

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 94(47).04

Чупрына Ю. А.¹

**К ВОПРОСУ О ВЗГЛЯДАХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЗАПАДНОРУССКИХ
ПОЛЕМИСТОВ НА МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО**

Санкт-Петербургский государственный университет

Chupryna Y. A.

**ON THE QUESTION OF THE VIEWS OF ORTHODOX WESTERN
RUSSIAN POLEMISTS ON THE MOSCOW STATE**

Saint Petersburg State University

Реферат: *Рассматривается восприятие Московского государства православными полемистами польско-литовской Руси рубежа XVI–XVII вв. На основе полемической литературы выделяются основные тенденции мировоззрения в среде западнорусского православного духовенства, которые отличаются от взглядов католиков и униатов. Основное внимание уделяется образу Москвы, который всё чаще актуализировался с нарастанием религиозной полемики после принятия Брестской унии в 1596 г. Мировоззрение полемиста во многом определяла пропольская или промосковская ориентация. В целом, большинство православных полемистов стали видеть в Московском государстве образец благочестия, всячески подчёркивали религиозное и языковое единство. Рубежное религиозное и правовое состояние, сложившееся после унии, подтолкнуло западнорусское население Речи Посполитой к переосмыслению общности «мы» и «они».*

Ключевые слова: *образ Московского государства, православные полемисты, польско-литовская Русь, западнорусское население, Брестская уния.*

Abstract: *The article considers the perception of the Moscow state by Orthodox polemicists of Polish-Lithuanian Russia at the turn of the XVI–XVII centuries. The main tendencies of ideology among the Western Russian Orthodox clergy are distinguished on the basis of polemical literature, which differ from the views of Catholics*

¹ Чупрына Юлия Алексеевна - студентка 4 курса бакалавриата института истории СПбГУ, chupryna.yulya@mail.ru

and Uniates. The main attention is paid to the image of Moscow, which was increasingly actualized with the growth of religious controversy after the adoption of the Brest Union in 1596. The Pro-Polish or Pro-Moscow orientation determined the polemicist's outlook in many respects. In General, most Orthodox polemics began to see the Moscow state as a model of piety, strongly emphasized religious and linguistic unity. The borderline religious and legal position that developed after the Union pushed the Western Russian population of The Polish-Lithuanian Commonwealth to rethink the community of «we» and «they».

Key words: *image of the Moscow state, Orthodox polemicists, Polish-Lithuanian Rus, West Russian population, Brest Union.*

Последнее время особый интерес вызывают проблемы самоидентификации западанорусского населения Речи Посполитой, т. е. будущих украинцев и белорусов. Поднимаются вопросы терминологии, этничности, конфессиональности, самовосприятия, возможного зарождения современных наций. Для обсуждения данных проблем выпускаются не только отдельные статьи, но и собираются международные конференции. К примеру, в Москве в 2008 г. прошла конференция «Украина и Россия: история и образ истории». В рамках реализации проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в конце XV–середины XVIII в. в контексте зарождения современных наций в Европе» прошло несколько международных конференций в Минске (2015 г.), в Львове (2016 г.) и в Москве (2017 г.) с привлечением

русской, украинской, белорусской, польской, литовской сторон. Более широкие проблемы изучения славянского мира были поставлены на историческом славянском форуме «Славянский конгресс: Как сегодня изучать историю славянского мира?» (Санкт-Петербург, 2017 г.) и на Первом международном Петербургском историческом форуме (Санкт-Петербург, 2019 г.).

Если ещё в 1980–1990-х Б. Н. Флоря отмечал, что православная и униатская полемическая литература не до конца изученные источники, то с того времени исследования продвинулись значительно вперёд. Историки обращаются к темам самоидентификации и «мест памяти» с опорой на полемическую литературу, хотя охватывается далеко не вся публицистика, в основном работы полемистов Мелетия Смотрицкого, Захарии Копыстенского, Ивана Ви-

шенского. Впрочем, это не удивительно, так как большое количество небольших полемических произведений, особенно в начале полемики, являются узконаправленными, то есть в них рассматриваются исключительно религиозные аспекты.

Одним из новых и проблемных вопросов в историографии представляется нам вопрос взглядов православных полемистов на соседнее Московское государство, который активно обсуждался на конференции «Украина и Россия: история и образ истории» (2008 г.). В современной историографии этой теме уделено не столь много внимания. Одним из первых обозначил этот вопрос Б. Н. Флоря. Он полагает, что представление о восточнославянском единстве сложилось достаточно рано, в XIV–XVI вв. оно продолжало сохраняться по инерции, а к концу XVI в. возникает представление о разных, но в то же время, близких народах [12]. М. В. Дмитриев считает, что в обиходе западнорусского населения не было представлений об «общерусском единстве». В конце XVI века скорее не существовало дискурса «общерусского» самосознания, но после присоединения Украины к России к концу XVII века ситуация несколько изменяется [3]. Общерусская идея постепенно продвигается в

умы на протяжении всего XVII века, а окончательно оформил эту концепцию Иннокентий Гизель.

С. М. Савченко тоже склоняется к эволюционной модели актуализации образа Москвы. Московское государство прошло эволюцию от негативного и враждебного образа к положительному образу в качестве последнего оплота истинной веры. Такие изменения, по мнению историка, вызваны эсхатологическими настроениями и опасениями потерять православную веру. Е. В. Русина полагает, что существовали пропольские и промосковские взгляды, но в широком употреблении не существовало обращения к общерусскому древнерусскому или новому возможному единству. Контакты с Москвой имели династическую подоплёку [6]. Брестская уния выступала в качестве катализатора для переосмысления и переориентации на Москву, для защиты своей веры от католичества.

Действительно Брестская уния подтолкнула к духовному подъёму православное духовенство, новым идеям, созданию многочисленной полемической литературы, переосмыслению «своей» общности, попыток борьбы с изменяющимся правовым положением. Для человека раннего Нового времени несомненно

важно относить себя к общности, например, славян, православных, католиков, братств, монастыря, города, семьи и так далее. Уровни самоидентификации могут быть совершенно разные, они могут дополнять друг друга.

Перед нами стоит задача понять относилось ли Московское государство к категории «мы»/«свой» или «они»/«чужой» в восприятии западнорусского населения Речи Посполитой, которое некогда составляло Древнюю Русь. Рассмотрим тему на примере православных полемистов Речи Посполитой рубежа XVI–XVII вв. Можно ли в православной полемической литературе найти те же тенденции, что и в общественно-политической жизни или летописании, которые отмечают С.М. Савченко, М.В. Дмитриев, Б.Н. Флоря?

Рассмотрев широкий пласт православных полемических работ, нам удалось отметить некоторые особенности. Полемисты сравнительно редко обращаются к образу Москвы или московским правителям, особенно на рубеже XVI–XVII вв. В некоторых ранних работах, до унии или после, вовсе не используется этническая или географическая терминология, например, «народ русский», «русин» и прочее, что так характерно для знаменитых полемистов Ме-

летия Смотрицкого, Ивана Вишенского и Захарии Копыстинского. В частности, в «Послании до латин из их же книг» (1582 г.), «Ключ царства небесного» (1587 г.), «О единой истинной православной вере» (1588 г.) никак не поднимается тема Москвы или славянской языковой общности. Однако чем дальше разгораются религиозные споры, чем больше попыток сохранить православие и отстоять прежнее правовое положение в Речи Посполитой, тем чаще возникают упоминания о Москве. Почему ещё православные книжники могли не упоминать Москву? Здесь возможно несколько вариантов. Во-первых, Московское государство не интересовало их, о нём не стремились вспоминать. Во-вторых, острая реакция польско-литовского правительства – не одобрялись контакты с Москвой. Например, послы Львовского братства в 1592 г. обращались за материальной помощью на строительство церкви и получении кириллических книг, приезжали за помощью и в 1606 г., после чего Сигизмунд III требовал выдать львовский послов из Московии [12, с. 188].

Далее стоит упомянуть ещё о нескольких доуниатских работах Герасима Смотрицкого. Герасим Смотрицкий преподавал в Остроге, принимал участие в издании Острож-

ской Библии (1581 г.), в которой составил предисловие, так же автор полемического труда «Ключ царства небесного» (1687 г.). Наибольший интерес для нас в рассматриваемом вопросе вызывает предисловие к Острожской Библии, где автор говорит, что из всех стран со славянским языком только у московского государя и великого князя Ивана Васильевича (имеется в виду Иван IV) находится самый лучший вариант Ветхого завета. Далее Г. Смотрицкий уточняет, что именно эта Библия была переведена на «словенский» язык ещё при великом Владимире, крестившим землю «русскую». При этом Московское государство относится к числу стран «роду нашего языка словенского» [9, с. 202]. Уровень идентификации общности «мы» в данном случае языковой и Москва в него включается. В целом, благодаря рассказу о Библии создаётся образ праведного государства, каких-либо отрицательных взглядов или противопоставлений у члена Острожского кружка Герасима Смотрицкого мы не наблюдаем.

В православной публицистике после унии 1596 г. отмечаются новые особенности, как впрочем, совершенствуется и увеличивается сама полемика. В произведении Ивана Вишенского «Книжке Иоанна Мни-

ха Вишенского от святыя Афонския горы в написание всех православных христиан» (1600 г.) можно найти терминологию «Великая Русь» и «Малая Русь». Полемист относит себя к Малой Руси [4, с. 49]. Для Ивана Вишенского в «Зачапке мудраго латынника з глупым русином в диспутацию» (1608–1609 гг.) святыя «Великой России» воспринимаются как свои собственные наравне с киевскими святыми. Когда полемист доказывает своему оппоненту Петру Скарге, что у православных достаточно много великих, чудотворных, почтенных святых, то в первую очередь апеллирует к Московскому государству, а только потом уже к Киеву: «Пойди, Скарго, в Великую Россию и прочитай истории житий оных святых мужей, чудотворцов великих...» [4, с. 192], «а навет, если не хочеш плодоносия спасителнаго языка словенскаго от Великой России доведоватися, поступи в Киеве в монастырь Печерский...» [4, с. 192]. Для него Московское царство в данных цитатах выступает образцом благочестия. Полемист прекрасно понимает, что «Великая» и «Малая» Русь составляют родственную общность, говорящую одним «словенском» языке. Несомненно для Ивана Вишенского Москва относится к категории

«мы»/«свои». В большей степени эти термины использовались в киевской церковной среде [17, р. 128].

«Вопросы и ответы православному с папезником» (1603 г.) анонимного православного автора содержат 50 вопросов и ответов о различиях между католичеством и православием. В произведении есть несколько интересных цитат: «всю Трацию, Дардарию, Харватию, Македонию, Сербию, Булгарию, Албанию, Унгарии, Молдо-Влахию, Влахию, Руссию Малую и Великую и все полные стороны аж до Акиян великого моря обдрезачи, благословенство пастриское роздаёт» [1, стб. 9]; «аза не широкие суть мешканя Руских краев? Аза мала держава и царство Московских земель? Азали мало там Цитийских орд оный православный царь з ласки Найвышшого крещением осветил?» С одной стороны мы убеждаемся в том, что существовало чётко разграничение территориально на Русь и Москву, с другой стороны говорить о восприятии Москвы этнически далёкой и чуждой не приходится. Есть устойчивое понимание Малой и Великой России/Руси, православные Речи Посполитой скорее чувствуют культурное и историческое единство с Москвой, чем с Польшей.

Захария Копыстенский в «Палинодии» (1621 г.) тоже использует понятия идентификации «Великая» и «Малая» Русь. Для З. Копыстенского «Русь», «русский народ» – это восточнославянские народы, проживающие в Речи Посполитой, чаще всего они обозначаются «Малая Россия», а Русское государство, Москва, русские – это «Великая Россия». «Русь», «россы», «Россия» могут употребляться в нескольких смыслах для обозначения всего населения Великой и Малой России, или же может иметься в виду только Малая Россия, а Великая будет обозначаться просто Москвой. По мнению белорусского исследователя О. И. Дзярновича в XVI в. понятие «Русь» очень часто используются в региональном контексте. «Русь» могла выступать и как надрегиональное понятие, и как региональное (хороним), и как конфессионим [2, с. 132].

В целом, что касается терминов «Великая Русь» и «Малая Русь» есть несколько версий происхождения. Во-первых, проводится параллель с «Малой Грецией» (коренная страна) и «Великой Грецией» (поздняя колония). Во-вторых, в Средние века существовало много аналогичных названий Великая и Малая Валахия, Великая и Малая Индия, могло так же повлиять на получение эпитета

«великая» отождествление Руси и Скифии, так как понятие «Великая Скифия» известно по византийским и древнерусским источникам [10, с. 25]. В-третьих, греки Русь со всеми епархиями называли «Великой Россией». Эта территория воспринималась как единое целое. Когда же выделилась Галиция и ещё 5 епархий, то эта меньшая часть стала именоваться у греков «Малая Россия». Деление политическое и территориальное, а не этнографическое [10, с. 28]. Позже и князья стали использовать вариант князь «всея Руси», «Малой Руси». Греческий вариант «Россия» становился всё популярнее, названия «Великая Россия» и «Малороссия», по словам А.В. Соловьёва, постепенно переносятся из Киева в Москву [10, с. 36]. Б. А. Успенский считает, что изначально «Русь» соотносилась с киевскими землями, далее происходило расширение территории, северорусские земли стали частью Руси, хотя изначально так не назывались. Так появляется понятие «Великой Руси»/«всея Руси». Далее «Русь», то есть киевская земля, становится «Малой Русью» и фактически считается периферией. Термин «Русь» видится общим понятием для обеих частей Великой и Малой, но при этом имеет двойное значение [11, с. 13]. В историографии наблю-

даются разные версии и интерпретации этих понятий.

Возвращаясь к восприятию Московского государства, стоит отметить, что киевские книжники, в целом, стремились расширить круг почитаемых святых. В «Палинодии» Захарии Копыстенского упомянут целый ряд болгарских, сербских святых, святых Афона, некоторые греческие, но больше всего было включено северно-русских святых. Н. А. Синкевич предполагает, что Копыстенский читал московские источники и на их основании конструировал общий месяцеслов южно- и севернорусской традиций [8, с. 278–279]. Популяризация общерусских святых шла через основание монастыря во Львовской епархии [7]. Кроме этого в первой половине XVII века становятся популярными русские иконы, сохранившие византийскую иконописную традицию [13]. Таким образом, мы можем отметить серьёзный интерес к Московскому государству, в нём видится образец благочестивого государства. Православие испытывает кризис в Речи Посполитой, поэтому духовные лица ищут помощь, образец, новые силы в Московском царстве.

По словам С. В. Савченко, в католической и униатской полемической литературе конца XVI – начала

XVII вв. Московское царство не имело шансов на спасение, представлялось в униженном образе, высмеивалась московская религиозность. В хрониках и летописях представлялось государством - соперником, умалчивалась информация о единоверии. Политическая лояльность и религиозная общность стояли по разные стороны.

Однако, что касается православной полемической литературы, мы видим несколько другую ситуацию. Мы не находим негативных образов, которые отмечаются в униатской и католической литературе. Московское государство вначале не сильно волнует полемистов. С развитием полемики происходит всё большая и большая апелляция к Москве, подчеркивание духовного, языкового, культурного единства. После принятия Брестской унии в Москве видят образец благочестия, сохранения чистоты православной веры. Помимо упоминаний о Москве в полемической литературе, аналогичные тенденции отмечаются в политической плоскости – распространяются хвалебные метафоры в отношении московского царя, который виделся приемником старокиевского князя. Интересно, что Романовы воспринимались потомками Владимира Борецким, Коссовым, Могилой и Гизе-

лем. Выдвигается несколько версий почему могло так произойти: легитимация через церковное помазание на царство или ориентация на модель власти Речи Посполитой. Стоит и эсхатологическая проблематика: Московия как последний оплот православной чистой веры [7].

С другой стороны необходимо сказать и о взглядах другого православного полемиста Мелетия Смотрицкого, получившего хорошее образование для своего времени в Речи Посполитой и европейских университетах. М. Смотрицкий упоминает народ московский наравне с народом Руси, т. е. прослеживается разграничение Москвы и Руси. К примеру, цитаты из «Obrona Verificaciey» (1621 г.): «...że się przezeń wszystkie barbarzkie narody, iako Bulgarskie, Słowackie, Serbskie ... Węgierskie, Czeskie, Polskie, Ruskie, Moskiewskie, y insze tego barbariey nazwiska...» [13, с. 411]; «...у posłuszeństwo Konstantinopolskiej stolice zostawa, iako w Bulgarskim, w Serbskim, w Słowackim, w Ruskim, w Moskiewskim, y w inszych...» [14, с. 412]. О Москве говорится как об отдельном государстве, отдельном народе – народ «Русский» и «Московский». Для М. Смотрицкого Русь – это уже население Речи Посполи-

той. В территориальном, политическом аспекте она относится к «чужому» народу. Так же в творчестве М. Смотрицкого мы не находим слов об общей культуре или вере, общность не подчёркивается.

В «Synopsis» (1632) Русь может делиться на два понятия Белая и Чёрная Русь, как там поясняется – Северная и Южная [15, с. 539]. Несмотря на такое разделение, говоря о периоде 1068 –1252 гг., полемисты называют население всей Руси как «народ русский» [15, с. 359]. В «Supplementum Synopsis» (1632) уже присутствует разграничение не на Чёрную и Белую Русь, а на Русь (юг) и Москву (север) [16, с. 638], но они обе едины в вере. В целом, мы не видим в православных сочинениях антимосковской риторики. Москва воспринимается отдельно от польско-литовской Руси.

В выше перечисленных православных произведениях, в данном случае не важно полемическое это произведение или тексты, представленные на сейм для обоснования своих прав, видится разделение на два народа, культурное или историческое единство не подчёркивается. Дело в том, что польско-литовская Русь себя считала полноценной частью Речи-Посполитой, стремилась принимать участие в жизни государ-

ства, воевала на стороне своих королей. Как отмечает М. М. Кром, ещё в начале XVI в. православные князья не стремились обособиться. Княжеская верхушка наоборот всё теснее срачивалась с литовской знатью. Подавляющее большинство князей и бояр представляли собой служилое сословие, они серьёзно дорожили своей службой, больше чем небольшими имениями. Они поддерживали литовского государя, поэтому Москва уже в начале XVI в. не могла заручиться поддержкой «русских» князей [5, с. 138]. Религиозные мотивы не играли существенной роли. Лояльность городов и городских общин была прямо пропорциональна количеству прав, полученных от ВКЛ [5, с. 193]. Естественное стремление влиться в польско-литовское общество, быть полноправным членом общества были не только у православных князей, но и у православных духовных лиц, братств.

Подводя итог, необходимо отметить неоднородность самосознания и восприятия «другой» общности в лице Московии у православных духовных лиц в XVI–XVII веке. Безусловно, Московское царство воспринималось отдельным государством, но историческая, религиозная и культурная общность зачастую прекрасно понималась. Конечно, не

все православные полемисты апеллировали к древнерусскому наследию, так как тяготели к Речи Посполитой, что было достаточно популярным для того времени, особенно среди знати. Каждый полемист мог придерживаться своей точки зрения. Однако мы не находим резких и негативных высказываний, какие отмечаются у католиков или униатов, по отношению к Московскому государству, что вполне естественно, так как оно православное государство. О полном отсутствии интереса к Москве говорить тоже не приходится, но Брестская уния, действительно, стала катализатором но-

вых обращений к её образу. Интерес к историческим событиям и употребление терминов «Великая» и «Малая» Русь отмечаются рано, на рубеже XVI–XVII вв. они продолжают активно актуализироваться. Но опять же, многое зависело от того, в какой среде принадлежит полемист. Киевская православная среда была более благосклонна к Московскому государству, проявляла больший интерес. В целом у большей части православных полемистов видится тенденция обращению к Москве как к образу благочестивого государства, образцу православия.

Список литературы:

1. Вопросы и ответы православному с папезником // Российская историческая библиотека. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Типография А. М. Котомина и Ко, у Обуховского моста, на Фонатке, 93. 1882. 930 с.
2. Дзярнович О. И. «Русь» и «Литва» Великого княжества Литовского в XVI—XVII вв. как этноконфессиональные и социальногеографические регионы // Древняя Русь после Древней Руси. Дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 119–132.
3. Дмитриев М. В. О формировании дискурсов общерусского самосознания в украинско-белорусской культуре конца XVI–XVII вв. // «Украина и Россия: история и образ истории». М., 2008. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/feudalism.htm#35> (дата обращения: 1.11.2019)
4. Иван Вишенский. Сочинения / отв. ред. Н.К. Гудзий. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. 372 с.
5. Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Квадрига, 2010. 320 с.
6. Русина Е. В. Проблемы политической лояльности православного населения Великого княжества Литовского в XIV–XVI ст. // «Украина и Россия: история и образ истории». М., 2008. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/feudalism.htm#35> (дата обращения: 1.11.2019)

7. Савченко С. М. Уявлення про Московське Царство в Україні XV –XV ст. // Київська старовина. № 2. 2006. С. 21–32.
8. Синкевич Н. А. Два вектора православной идентичности в украине XVII в.? Москва и Московиты в двух произведениях Могилянского времени // Древняя Русь после Древней Руси. Дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 272–290.
9. Смотрицкий Г. Перша передмова до Острозької Біблії 1581 р. // Українська література XIV – XVI ст. Київ, 1988. 600 с.
10. Соловьёв А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. №7. Июль. М.: Правда. С. 24–38.
11. Успенский Б.А. Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2004. 176 с.
12. Флоря Б. Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М.: Наука, 1982. С. 151–238.
13. Языкова Н. К. Богословие иконы. М., 1995. 207 с.
14. Оброна Verificaciey // Архив Юго-Западной России. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г. Т. Корчак – Новицкого, Михайлов. ул., собств. д., 1887. 802 с.
15. Synopsis // Архив Юго-Западной России. Т.7. Ч.1. Киев: Типография Г. Т. Корчак – Новицкого, Михайлов. ул., собств. д., 1887. 802 с.
16. Supplementum Synopsis // Архив Юго-Западной России. Т.7. Ч.1. Киев: Типография Г. Т. Корчак – Новицкого, Михайлов. ул., собств. д., 1887. 802 с.
17. Yakovenko N. Choice of Name versus Choice of Path: The Names of Ukrainian Territories from the Late Sixteenth to the Late Seventeenth Century // A laboratory of transnational history: Ukraine and recent Ukrainian historiography /ed. by Georgiy Kasianov and Philipp Ther. Budapest, New York: Central European University Press, 2009. P. 117–148.

References:

1. Voprosy i otvety pravoslavnomu s papezhnikom // Rossiyskaya istoricheskaya biblioteka. Т. 7. Кн. 2. SPb.: Tipografiya A. M. Kotomina i Ko, u Obukhovskogo mosta, na Fonatke, 93. 1882. 930 s.
2. Dzyarnovich O. I. «Rus'» i «Litva» Velikogo knyazhestva Litovskogo v XVI—XVII vv. kak etnokonfessional'nye i sotsial'nogeograficheskie regiony. // Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi. Diskurs vostochnoslavianskogo (ne)edinstva. М., 2017. S. 119–132.
3. Dmitriev M. V. O formirovanii diskursov obshcherusskogo samosoznaniya v ukrainsko-belorusskoy kul'ture kontsa XVI–XVII vv. // «Ukraina i Rossiya: istoriya i obraz istorii». М., 2008. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/feudalism.htm#35> (data obrashcheniya: 1.11.2019)
4. Ivan Vishenskiy. Sochineniya / otv. red. N.K. Gudziy. М.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955. 372 s.
5. Krom M. M. Mez h Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy treti XVI v. М.: Kvadriga, 2010. 320 s.

6. Rusina E. V. Problemy politicheskoy loyall'nosti pravoslavnogo naseleniya Velikogo knyazhestva Litovskogo v XIV-XVI st. // «Ukraina i Rossiya: istoriya i obraz istorii». M., 2008. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/feudalism.htm#35> (data obrashcheniya: 1.11.2019)
7. Savchenko S. M. Uyavleniya pro Moskovs'ke Tsarstvo v Ukraïni KhV –KhV st. // Kiïvs'ka starovina. № 2. 2006. S. 21–32.
8. Sinkechiv N. A. Dva vektora pravoslavnoy identichnosti v ukraine XVII v.? Moskva i Moskovity v dvukh proizvedeniyakh Mogilyanskogo vremeni // Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi. Diskurs vostochnoslavnyanskogo (ne)edinstva. M., 2017. S. 272–290.
9. Smotrisky G. Persha peredmovva do Ostroz'koï Bibliï 1581 r. // Ukraïns'ka literatura XIV – XVI st. Kiïv, 1988. 600 s.
10. Solov'ev A. V. Velikaya, Malaya i Belaya Rus' // Voprosy istorii. №7. Iyul'. M.: Pravda. S. 24–38.
11. Uspenskiy B.A. Istoriko-filologicheskie ocherki. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 176 s.
12. Florya B. N. Drevnerusskie traditsii i bor'ba vostochnoslavnyanskikh narodov za vossoedinenie // Drevnerusskoe nasledie i istoricheskie sud'by vostochnogo slavyanstva. M.: Nauka, 1982. S. 151–238.
13. Yazykova N. K. Bogoslovie ikony. M., 1995. 207 s.
14. Obrona Verificaciy // Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii. T. 7. Ch. 1. Kiev: Tipografiya G. T. Korchak – Novitskogo, Mikhaylov. ul., sobstv. d., 1887. 802 s.
15. Synopsis // Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii. T.7. Ch.1. Kiev: Tipografiya G. T. Korchak – Novitskogo, Mikhaylov. ul., sobstv. d., 1887. 802 s.
16. Supplementum Synopsis // Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii. T.7. Ch.1. Kiev: Tipografiya G. T. Korchak – Novitskogo, Mikhaylov. ul., sobstv. d., 1887. 802 s.
17. Yakovenko N. Choice of Name versus Choice of Path: The Names of Ukrainian Territories from the Late Sixteenth to the Late Seventeenth Century // A laboratory of transnational history: Ukraine and recent Ukrainian historiography /ed. by Georgiy Kasianov and Philipp Ther. Budapest, New York: Central European University Press, 2009. P. 117–148.